

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Иса Капаев / Карабатыр

95
1927-2022

Иса КАПАЕВ

Народный писатель Карачаево-Черкесской Республики, Член Союза писателей России, Иса Суюнович Капаев — автор 40 книг на ногайском и русском языках.

Родился в ауле Эркин-Юрт Ставропольского края 16 июня 1949 года. В 1975 году окончил Литературный институт им. Горького в Москве.

В 1974 году дебютировал с рассказом «Верность очагу» в журнале «Юность». Произведения писателя также публиковались в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Дон», «Наш современник» и других.

Книги издавались в Казахстане, Турции, Болгарии, Украине, Польше.

Книга «Сказание о Сын-таслы» дважды переиздавалась в республике Казахстан (из-ва «Жазушы» и «Аударма») на казахском языке.

В 1978 году Иса Капаев стал одним из победителей Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского, за заслуги в литературном творчестве в 1998 году ему была присуждена Международная премия им. У. Алиева, а в 2008 году — премия Президента Карачаево-Черкесской Республики.

С 1991 по 1996 годы Иса Капаев был главным редактором литературно-публицистического журнала «Половецкая луна».

В настоящее время издано четырехтомное собрание избранных произведений Исы Капаева на родном языке. В него включено историческое эссе «Пламенная душа Сарайчика», а также научная работа «Я с душой Невесного волка ногаец» и исследование о творчестве средневековых ногайских йырау.

Иса Капаев перевел на современный ногайский язык тексты «Орхоно-Енисейских надписей» и стихи Юсуфа Баласагуни, Ахмета Ясави, Сейф Сарайи, Кутбы, Югнаки. Он автор-составитель «Русско-ногайского разговорника» (Ставрополь, 2007).

В 2004 году Иса Капаев, удостоившись Гранта Президента РФ, создал Народный музей истории и культуры ногайцев в а. Эркин-Халк Карачаево-Черкесской Республики.

Особое значение в науке имеет его книга «Опыт мифологического словаря. Ногайские мифы, легенды и поверья» (М., 2012).

Народный писатель Карачаево-Черкесской Республики, Заслуженный деятель культуры РФ, член-корреспондент Российской академии естественных наук. В 2021 году за роман «Саманта» награжден Большой Литературной премией России.

Член Президиума «Литературного сообщества писателей России» и Федерального совета программы поддержки национальных литератур народов РФ.

ПАМЯТИ Виктора Сергеевича Кудинова

(1 9 4 0 – 2 0 2 2)

После тяжелой и продолжительной болезни не стало нашего коллеги и товарища, многолетнего сотрудника и автора «Роман-газеты» В. С. Кудинова.

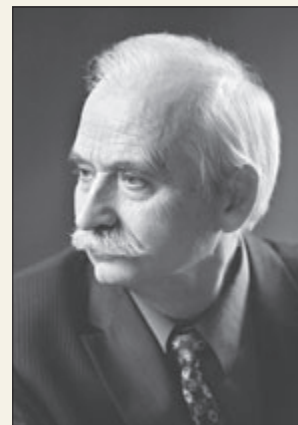
Юрист по образованию, Виктор Сергеевич как специалист по авторскому праву работал в издательствах «Русский язык» и «Художественная литература». Более 20 лет он посвятил «Роман-газете».

Как прозаик Кудинов стал автором множества исторических, детективных и детских книг. Его романы «Неволя», «Приам» и «Пир Клеопатры» были опубликованы на страницах «Роман-газеты».

Член Союза писателей России, член Академии Российской литературы», лауреат премии имени А. П. Чехова, он был активным и авторитетным участником всех творческих и общественных проектов нашего издательского дома: от акционирования до создания Всемирного Русского народного собора.

Прекрасный семьянин, благожелательный товарищ, серьезный историк и книголюб, Виктор Сергеевич Кудинов останется в нашей памяти.

Скорбим вместе с его близкими!

Коллектив «Роман-газеты»

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный

редактор

Елена Русакова

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2022

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2022 №22 /1915/ Основана в 1927 г.

Иса Капаев

Карабатыр

ГАРМОНИСТКА

Современная легенда

Мы источник веселья — и скорби рудник.
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, — многолик.
Он ничтожен и он же безмерно велик.

Омар Хайям

Думы печальные вдаль улетают —
Без меня теперь свадьбы ногайцы играют.
Я от них далеко, между нами снега.
В моем сердце любовь, в моем сердце тоска.

Кадрия

1

Сова, широко распластав крылья, скользнула бесшумной тенью к засохшему тополю, который четко вырисовывался на темно-синем ночном небе, и опустилась на ветку. Перебрала лапками, устраиваясь поудобней, круто повернула голову вправо, потом влево, слегка подалась вперед, уставившись в темноту огромными круглыми глазами, да так и застыла черным пятном в путаной вязи сучьев — казалось, птица высматривает добычу или с удивлением прислушивается к далекой переливчатой игре гармоники, похожей на журчание бурного, порожистого ручья.

Гармоника ликовала на другом конце аула, во дворе Наймановых, где справляли свадьбу. Пронзительно-восторженная мелодия, с вплетенной в нее гортанной скороговоркой аккордов, искрящаяся звонкой перекличкой колокольчиков, прорвавшись сквозь ровный, слитный, гул большого веселья, растекалась по улицам, вливалась, ослабленная расстоянием, но все равно будоражащая, в распахнутые окна даже самых удаленных от праздника, окраинных домов.

Старики и старушки, которые не пошли на свадьбу, — кто по немощи своей, кто потому, что с семьями молодоженов не имели и самого отдаленного, мало-мальского, родства, — ворочались в постелях, вздыхали. «Ни заботы, ни горя не ведает бесстыжая Нурхан, знай веселится!» — ворчали, язвительно улыбаясь, одни. «Вот денег-то заребет, беспутная», — поджимали губы другие. «Как играет, как играет! — восхи-

шенно цокали языками третьи. — Настоящий «сандрак тартув»!¹ И каждый, чувствуя, как от этой переполненной радостью и счастьем музыки разгорячилась кровь, как бодрей побежала она по жилам, невольно вспоминал чудо, которое произошло весной с почтенным Махмудом.

Более года назад у старого Махмуда парализовало левую половину тела, и с тех пор он не поднимался с постели. А весной стал и вовсе плох: по нескольким дням не приходил в сознание; лицо осунулось, пожелтевшая кожа туго обтянула выпирающие скулы, лоб, заострившийся нос; глаза, окруженные пепельными тенями, ввалились. На третий день мая родные и близкие, решив, что наступили последние часы старца, пригласили Якуба-эфенди, чтобы тот прочитал заупокойные молитвы и суры Корана.

Одетые в черное, убитые горем женщины рода собрались во дворе и, сев кружком, принялись оплакивать праведного Махмуда — негромко причитали, отирали глаза уголками траурных косынок, вспоминали светлые, угодные Аллаху, деяния умирающего.

И вдруг! Из соседнего дома, где жил агроном Алимтай, который недавно разошелся с женой и которого два дня не было в ауле, грянула дерзкая, визгливая музыка гармонистки Нурхан. Здесь — печаль, скорбь, к похоронам готовятся, а у соседа — веселье, гулянка, пир горой. Какое кощунство, какое святотатство! Вскочили женщины, загомонили, посылая проклятия нечестивому агроному и беспутной его подружке: «Эй, лишенная стыда, прекрати сейчас же играть!.. Алимтай, что ты, совсем свой ум пропил?! Горе вам, не дающим спокойно умереть такому достойному человеку!..» В окнах агронома дома показались хозяин, гармонистка Нурхан и ее подруга Надюшка — улыбаются, глазают на женщин, говорят о чем-то, но за вскриками и смехом гармоники, на которой рьяно наигрывала Нурхан, не было ничего слышно. Еще возмущенней замахали руками разгневанные женщины, загалдели, негодуя: «Чтоб тебе, греховодница, самой на том свете покоя не было от твоей гармошки!.. Вся в бабку, в колдунью Меруа, та тоже ничего святого не признавала... Вот распутная, новому мужику голову вскружила и веселится теперь!» Полыхающие ненавистью плакальщицы, рассвирепевшие, разъяренные, двинулись уже ко двору соседа, чтобы расправиться с забывшей о всех приличиях Нурхан, и замерли от грозного оклика: «А вы что тут делаете?!» Оглянулись и оцепенели.

На пороге, опираясь о медную трость, стоял в одном нижнем белье старец Махмуд. Из-за плеча его выглядывал переполошившийся, с выпученными от изумления глазами, Якуб-эфенди. «Уважаемый, иди

ложись. Тебе нельзя, ты не должен вставать...» — растерянно бормотал он в ухо старику. Но тот лишь усмехнулся. Гаркнул на женщин: «Вы что, похороны мне устроили?! А ну — вон с моего двора! — и повернувшись к дому агронома, крикнул: — Эй, сосед! Иди ко мне! И тебя, гурия с благословенным Аллахом кобузом², который вернул меня к жизни, тоже приглашаю. Устроим той в честь моего выздоровления!»

Заметалась обрадованная, глазам своим не верящая родня: барана, приготовленного для поминок, зарезали, снеди, бузы³, водки с вином наташили. И грянул праздник! Агроном Алимтай принялся было извиняться: прости, дескать, Махмуд-ака, что мы веселились, когда ты со смертью встретиться готовился, но старик рыкнул: «Не было этого! А если было, забудем!.. Играй, дочка, играй во славу жизни!» И Нурхан играла, да так лихо, как никогда. «Ах, хорошо, вот порадовала, дочка! Душу разбудила, петь ее заставила! — восхищенно ударяя себя по колену, залиvisto смеялся старый Махмуд. — Никогда не слышал такой игры: настоящий «сандрак тартув» — бесовская мелодия, музыка джиннов!..»

— Может, и впрямь эту несчастную Нурхан, когда она болела, джинны посещали: слышите, как играет?! Человеку не дано такое... — переговаривались женщины, которые, встревоженные этой обезумевшей, мечущейся музыкой, выглянули из летней кухни, с веранды, отыскивая взглядами известную во всех семи ногайских аулах гармонистку.

Нурхан, окруженная нарядными, слегка захмелевшими, а от того возбужденными, шумными гостями, строго и отрешенно выпрямилась на стуле и лишь изредка, с недоверчивым и радостным видом, склоняла голову, точно услышала вдруг в собственной музыке нечто давно ожидаемое. Но тут же лицо ее тускнело, и обычно смугло-румяное, бледнело настолько, что становился почти незаметен маленький белый шрам на левой щеке; ноздри тонкого носа вздрагивали, синие глаза делались встревоженными; длинные пальцы ускоряли и без того бешеную пляску по перламутровым кнопкам гармоники — восторженно-напряженная мелодия взвивалась в какие-то вовсе уж невообразимые высоты. Те, кто плотным кольцом окружил танцоров, отзывались на всплески музыки радостным гулом, кольцо это волнами, в такт мелодии, начинало то сжиматься, то расширяться, самозабвенные выкрики «Карс!.. Карс!» становились еще громче, отбиваемый ладонями ритм сливался в сплошной лавинный рокот; стоявшие рядом с гармонисткой благодарно оглядывались на нее, улыбались: «Молодец, Нурхан! Давай, давай, заставь их шевелиться, пусть знают, что такое «сандрак тартув!»

¹ Сандрак тартув — бредовая мелодия, танец джиннов; бравурная, виртуозная музыка.

² Кобуз — ногайская гармонь.

³ Буза — домашнее пиво, чаще всего из проса.

Нурхан тоже слабо улыбалась в ответ, но взгляд её был печальным. Она очень хотела сыграть так, чтобы исполненное можно было бы смело назвать «сандрак тартув», — эта музыка, услышанная только однажды, во время свадьбы с Кематом, ее первой и единственной любовью, все время жила в ней, неотступно звучала в памяти, терзала и мучила, рвалась наружу, но поймать эту мелодию, а тем более передать в звуках Нурхан не могла. Расширившимися глазами смотрела она на пронесившихся перед ней танцоров, на их лица, ярко освещенные множеством лампочек, которые развесили над двором для сегодняшнего праздника, но видела не эти мельгешащие белые пятна, а белых красавцев коней, что, едва касаясь земли точеными копытами, уносили ее и Кемата к счастью. Прорываясь сквозь хохот-плач гармонии, назойливо лезло в уши шарканье подошв по асфальту, но Нурхан слышала иное — свист ветра в разметавшихся гривах скакунов, шелест фаты, шуршание атласного платья, в котором была на своей свадьбе с Кематом. А дразнящая, неуловимая, прекрасная и непостижимая музыка, которую играли в ту ночь джинны, все нарастала и нарастала в душе Нурхан, переполняла ее, сжимала сердце, перехватывала дыхание...

Сова резко выпрямилась, нахохлилась, моргнула, будто хотела на мгновение пригасить пристальный и внимательный взгляд неподвижных желтых глаз, и пронзительно крикнула, точно захохотала.

Захлопнулись окна ближайших домов — кто же не знает, что вопль обыр-кус сулит несчастье! — но на другом конце аула, уже на дальнем подлете к свадьбе, голос упырь-птицы был отброшен, смят бурной рекой музыки, утонул в ней — во дворе Наймановых, в гомоне, гвалте, гаме праздника, никто и не расслышал его. Только Нурхан испуганно вскинула голову, оглянулась по сторонам. Пискнула на высокой ноте гармоника и смолкла. Но люди не заметили этого. Яростно отбивая ритм одереженными ладонями, дружно и в лад вскрикивая, они еще слышали исчезнувшую мелодию, еще жили в ней. И подбадриваемые ими танцоры, не замечая ничего вокруг, продолжали то подступать друг к другу, плавно поводя руками, покачиваясь, наклоняясь, то отступать, чтобы тут же снова начать свою игру — преследовать и ускользать, ускользать и преследовать. Нурхан вздрогнула, словно внезапно проснувшись, встряхнулась и, рывком растянув мехи гармоника, опять начала плести кружево звуков, соединив превращающуюся на мгновение нить мелодии.

Такое уже бывало с Нурхан. Даже когда праздники отмечались в помещении, даже зимой, раздавался вдруг во время игры на гармонике похожий на хохот крик совы, который слышала только Нурхан. Ее охватывал панический страх, пальцы леденели,

сердце обмирало, лоб и виски стягивал тугой обруч боли. Похолодев от ужаса, Нурхан не могла взять ни одного аккорда и беспомощно смотрела на собравшихся повеселиться. Те посмеивались, переглядывались понимающе — все музыканты любят порисоваться, набить себе цену, любят, чтобы их поупрашивали, а эта Нурхан, капризная и взбалмошная, особенно. Ей подносили рюмку, произносили в ее честь пышные здравицы, лстивые тосты. Нурхан машинально выпивала, благодарила кивком и, осторожно нажав на клавиши, извлекала первые звуки. Гармоника откликалась охотно, однако мелодию поначалу вела робко. Но вскоре музыка оживала, крепла, пропитывалась бодростью, и тогда страх отступал, ужас ослабевал, отпуская сердце, освобождая из холодных тисков виски и лоб.

Нурхан, сдвинув в мучительном раздумье брови, прислушивалась к звонкой песне ладов, благодушному оханью басов, лукавому смеху колокольчиков и размышляла: «Было? Не было?.. А может, крик обыр-кус только чудится мне? Но ведь упырь-птица хохотала и на свадьбе с Кематом. Или... тоже показалось?»

— А ну-ка, Нурхан, наддай жару. Пускай молодежь посмотрит да поучится!

Нурхан подняла глаза. Тучный, коротконогий Юсуф-агай, дядя жениха, выскочил в круг, одернул синюю черкеску. «Совсем как у Кемата на нашей свадьбе черкеска», — мельком отметила Нурхан. Улыбнулась ободряюще толстяку и взбодрила пригустневшую во время раздумий мелодию.

Юсуф-агай легко и стремительно скользнул внутрь круга, остановился перед подружкой невесты, часто-часто перебирая ногами, — приблизился, потом, пятясь, отдалился, и девушка как зачарованная медленно выплыла вслед за ним. Юсуф-агай, поводя поднятыми на уровень плеч руками, подвигался мелкими шажками, кружил около подружки невесты, а та, плавно поворачиваясь вслед за ним и слегка изгибаясь, чтобы не соприкоснуться с его напружиненными ладонями, уходила то влево, то вправо. Юсуф-агай осторожно, но настойчиво теснил ее и снова отходил, похожий на распушившегося от нежности голубя, который, сдавленно воркуя, изнывая от любви и признательности, выписывает вокруг горлицы петли.

Гармоника все взвинчивала и взвинчивала темп; ладони зрителей отбивали такт все быстрее и громче, выкрики «Карс!.. Карс!» становились все резче и требовательней. Лицо Юсуф-агай уже блестело от пота, дыхание стало тяжелым и прерывистым, но круглые глазки его были по-прежнему веселые, улыбка под пышными усами — от уха до уха.

Молодежь, сбившись в кучку, наблюдала за танцорами с притворно-снисходительным и пренебрежительным видом, переговаривалась негромко,

посмеивалась, ухмылялась, но глаза были заинтересованные и даже слегка завистливые. Когда же Юсуф-агай как-то особенно лихо и молодецкато развернулся около девушки-партнерши, парни не выдержали — зааплодировали. И другие зрители, перестав отбивать ладонями такт, захлопали беспорядочно и восторженно. Все принялись суетливо шарить по карманам, доставать деньги и, вбежав на сцену в круг, осыпать ими головы танцующих.

Рыжая Надюша, верная подруга Нурхан, вьюном замелькала у ног Юсуф-агай и его напарницы, собирая трешки, пятерки, рубли — законная и честная награда гармонистке.

Юсуф-агай устал, медленно склонил голову, благодаря подругу невесты, и та прекратила танец. Нурхан замедлила бег пальцев по клавишам; мелодия полилась плавно, тоскующе, зазывно. Юсуф-агай, горделиво посматривая по сторонам, проводил, слегка приотстав, девушку на ее место среди зрителей и, внезапно повернувшись, схватил за руку ближнего парня. Тот растерялся, начал дергаться, отбиваться.

— Да не умею я танцевать, Юсуф-агай. Отпусти! — взмолился он.

Его приятели, отшатнувшись, отступив на шаг, фыркнули, засмеялись. «Не осрамись, Али! — кричали одни. — Не подведи!» — «Вы нам магнитофон включите!.. — потребовали другие. — Врубите шейк, тогда себя покажем!»

— Давайте, давайте, парни, танцуйте! Или вы не ногайцы?! — загалдели вокруг. Мужчины, стоявшие рядом с молодежью, принялись с шуточками-прибауточками, но настойчиво выталкивать в круг покрасневшего Али. Он извивался, упирался, брыкался, крутил возмущенно головой.

— Ты ему, Нурхан, «прижим» сыграй! — звонко выкрикнул из-за спины дружков почти мальчишеский голос.

Парни загоготали: Нурхан понимающе кивнула — «прижим» так «прижим» — и заиграла, как прошили, танго.

Али обреченно выдохнул, вырвался из рук, прошел, набычившись, внутри круга вдоль развеселившихся зевак. Остановился около партнерши Юсуф-агай, наклонил голову. Стоило только девушке, еле сдерживавшей смех, сделать шаг, как Нурхан неумолимо сменила танго национальной мелодией. Али удивленно оглянулся на гармонистку, зыркнул по сторонам — вырваться из кольца зрителей было невозможно — и неуверенно начал танец. Скованно поводя руками, стараясь повторить движения Юсуф-агай, неумело перебирая ногами, он отступил, приглашая подругу невесты.

Нурхан, чтобы помочь парню, вела мелодию осторожно, не подгоняя ее, и, лишь когда увидела,

что танцор освоился, перестал смущаться, начала постепенно наращивать темп. Опять бурливым, водопадным потоком полилась музыка, опять ночь взорвалась громогласными и дружными вскриками «Карс!.. Карс!», опять часто и оглушающе ударили ладоши, отбивая такт.

Печальны глаза Нурхан. Равнодушно смотрит она на то, как верная подруга, с разгоревшимися от возбуждения глазами, собирает ее, гармонистки Нурхан, заработок, с грустью наблюдает за неумелым Али, который не понимает закона танца, не видит, что партнерша ждет, когда же он наконец навяжет свой рисунок движений, когда же подчинит ее своей воле. А сердце ноет, сердце тоскует, сердце плачет о несбывшемся счастье, о любви, которая, вспыхнув, опалила и погасла, — рыдает, жалуется гармоника, откликаясь на эту боль, музыка наполняется то обидой, то горечью, а то вдруг расплеснется бешеным весельем — а пропади все пропадом: чего горевать?! — но постепенно начала она пропитываться все нарастающей и нарастающей тревогой...

Сова откинулась назад, сомкнула веки, взмахнула, не снимаясь с места, крыльями и, широко распахнув глаза, опять издала клекочущий, похожий на хохот, вопль.

И опять оборвалась на высокой ноте мелодия. Нурхан испуганно посмотрела в ту сторону, откуда донесся торжествующий клич обыр-кус. Замерла, чувствуя, как снова накатил, парализуя, непонятный страх.

Довольный собой, Али заулыбался Нурхан, хлопал в ладоши. И все, кто был на дворе, тоже повернулись к гармонистке, тоже зааплодировали.

— Что ни говорите об этой Нурхан, а играет она лучше всех в округе! — решительно заявила Айбийке, мать жениха, и требовательно поглядела на женщин: попробуйте, дескать, возразите!

Но те и не думали возражать. Закивали, подтверждая, соглашаясь:

— Да, да, замечательно играет!.. Очень хорошо играет! Другой такой гармонистки нет больше на берегах Кубани и Зеленчуков.

Рослый, плечистый тамада Аскер, в ухарски сбитой на затылок серой шляпе, в черном костюме, в белой нейлоновой сорочке с расстегнутым воротом, появился рядом с Нурхан.

— Ямагат! — гаркнул он, перекрывая веселый шум. — Предлагаю сделать на время перерыв. Уважаемая гармонистка уже более часа радует нас своей музыкой. Надо ведь и ей отдохнуть, верно? — Он весело посмотрел на Нурхан и шепнул еле слышно: — После свадьбы мы с Исмаилом придем к тебе. Позовешь и Надюшу, ладно?

Нурхан перевела взгляд с его лоснящегося, уверенного лица на часики — ого, уже полночь! — и не-

определенно качнула головой. Обрадованный и таким ответом Аскер слегка сжал ее плечо и, взметнув ладонь, выкрикнул:

— Прошу к столу!

Стол, опустошенный после первых, произнесенных еще в начале свадьбы тостов, был заново и обильно накрыт: сверкали чистые тарелки, горделиво торчали белые, зеленые бутылки с водкой и сухим вином, возвышались вазы с яблоками, виноградом, атели на блюдах толстые, сочные ломти арбузов. Аскер, шутиво раскинув руки, пригнувшись, двинулся на гостей; те, уворачиваясь от него, направились к столу, принялись, посмеиваясь, рассаживаться.

— Ну, что сказал Аскер? — подскочившая к Нурхан Надюша пытливо заглянула ей в лицо. — Я видела, он что-то сказал. — Договорились, да? Договорились?

Нурхан отвернулась, дрогнула ноздрями, сдерживая зевоту.

— Ну скажи, договорились? — Надюша подергала ее за рукав. — А Исмаил придет? Исмаил ведь хороший мужик, правда?

— Хороший. — Нурхан еле заметно скривилась и насмешливо уставилась в глаза подруге.

— Что с тобой? Ты себя плохо чувствуешь? — переполошилась Надюша, но тут же оживилась, рассмеялась радостно. — Ты знаешь, сколько сегодня заработала?! Вот, смотри! — Достала из кармана платяя скомканная деньги, принялась расправлять их. — Видишь, сколько красненьких? Есть даже одна двадцатипятирублевка! А казвалы¹ — целых десять штук! — Она снова сунула деньги в карман. — Я же говорила, что у Наймановых будет богатая свадьба. Ох и зарабатываешь ты сегодня, ох и зарабатываешь! — Она, прижав к щеке руки, склонив голову к плечу, восхищенно засмотрелась на подругу.

— Пора к столу, — тронул ее за локоть Али. — Тамада приглашает.

Он, улыбаясь, протянул руку и Нурхан, но та, смерив его взглядом, отодвинула ладонь парня. Резко поднялась, поставила на стул гармонику.

Надюша, кокетливо хихикнув, шлепнув игриво Али, который взял ее под руку, уже шла к гостям. Отыскав глазами среди них Исмаила, слабо помахала ему, и тот, зажмурившись, крепко потер ладонью о ладонь. Нурхан, увидев это, гордо откинула голову и, прямая, точно натянутая струна, стремительно прошла к нему. В длинной черной юбке, в голубой, переливающейся в свете лампочек приталенной блузке, она казалась особенно стройной и гибкой. Исмаил вскочил, усадил гармонистку рядом с собой и, лукаво посматривая то на нее, то на Надюшу, ко-

торая устроилась напротив, налил до половины стакана водки. Пододвинул к Нурхан.

— Ой, как много, — опять хихикнула Надюша. Хотела сказать еще что-то, но, увидев глаза подруги, осеклась.

Нурхан пусто и отрешенно смотрела на нее, потом подняла глаза на Исмаила, прищурилась, словно оценивая, и медленно перевела взгляд на тамаду Аскера. Тот огладил двумя пальцами усы и неожиданно дерзко подмигнул Нурхан. Она не отвернулась, не потупилась, только большие синие глаза ее, внимательно изучавшие потное лицо Аскера, затуманились...

...Возбужденная Надюша ворвалась к Нурхан, плюхнулась на стул и рассмеялась, согнувшись, зажав меж колен руки.

— Знаешь, с кем я приехала? Исмаил на своих «Жигулях» довез! всю дорогу мне мозги пудрил, рассыпался — со смеху помрешь. Сказал, что вечером заглянет сюда с Аскером. Можно? Исмаил ведь хороший: видный, лицом не обижен. Пускай придут, а, Нурхан?

— Нам только их не хватало, — фыркнула Нурхан. — От них, наверно, свиньями воняет.

— Да ты что говоришь?! — ахнула Надюша, и черные глаза ее округлились от возмущения. — Они же свинину не едят. А если и продают ее, так что ж... Умеют жить!

Исмаил и Аскер работали скотниками на свиноферме, к животным этим привыкли и держали их в своем хозяйстве. Забывали, везли мясо в город, продавали его на рынке. Аульчане считали свиней нечистой скотиной и тех, кто возился с ними, сторонились. Исмаил и Аскер посмеивались над земляками, жили — не тужили, денег имели много, гуляли широко, с размахом.

— Ты что, хочешь прогнать их? — встревожилась Надюша. — Таких парней?! — И принялась нахваливать: — Что за парни: стройные, точно камыш, у каждого усы подковой, а уж веселые, а уж щедрые...

— Пускай приходят, если пригласила, — перебила Нурхан и насмешливо поинтересовалась: — А ты знаешь, сколько детей у этих твоих парней?

— Детей? — Надюша изумленно посмотрела на подругу. — А зачем тебе их дети? Жены Исмаила и Аскера рожали, а у нас из-за них головы должны болеть? Вот еще, больно нужно!

— Как же так! — притворно удивилась Нурхан. — Семьи ведь разбиваем. Придется и перед законом, и перед Аллахом отвечать.

— Отвечать?! А кто будет отвечать за мою семью? — Надюша неожиданно обозлилась. Подалась вперед, впиалась взглядом в подругу. — Кто?! Может, та, которая увела моего мужа? Я, как шелк, чистая

¹ Казвалы — шелковый платок, который, как награда, повязывается на руки танцующих. Обычно их отдают гармонистке.

была, а он смылся в город, за той потаскухой... А за твою жизнь кто ответит?

— Меня не трожь! — оборвала Нурхан и нахмурилась. — В своей жизни я сама виновата, сама и разберусь.

— А я разве виновата, я разве заслужила такую жизнь? — Надюша, слегка покачиваясь, уставилась в угол. — Не гуляла, глаз ни на кого поднять не смела, а сейчас?.. Каждому мужику в лицо заглядываю: вдруг улыбнется, вдруг понравлюсь ему, и он, глядишь, не обманет... — и всхлипнула.

— Ну что ты, Надюша, что ты. Реветь, что ли, вздумала? — Нурхан присела перед ней, обняла. Прижала к себе подружку, шепнула: — Давай лучше встретим как следует этих кабанов, если уж тебе хочется.

— А и вправду, чего это я? — Надюша засмеялась, крепко обняла Нурхан, потом, оттолкнув ее, вскочила. — Гулять так гулять!.. Ты здесь орудуй, а я — на кухне.

Пока Надюша готовила закуску, Нурхан вымыла полы, прибрала комнаты. Принесла из огорода цветы, украсила ими ковер, прибитый над кроватью. И по белому атласному покрывалу разбросала цветы — темно-красные, фиолетовые георгины. Отошла, полюбовалась.

Потом они с Надюшей привели себя в порядок — сделали прически, Надюша покрыла свои крашенные, огненно-рыжие волосы лаком, напудрились, подкрасили губы, брови, ресницы, подвели тени. Нурхан надела свою любимую голубую блузку, а Надюша выбрала пушистый розовый джемпер хозяйки, который, правда, был немного великоват, но зато в нем Надюша не казалась такой худенькой.

Вечером в доме Нурхан стало весело и празднично. Надюша без умолку болтала, смеялась, посматривала на Исмаила блестящими, лукавыми глазами. Оживленные мужчины много шутили, много пили за здоровье девушек, за их красоту, за их веселый нрав, за их легкий характер.

Нурхан, отгоняя тяжелые думы, смеялась вместе со всеми, не вслушиваясь в тосты гостей; тоже шутила, тоже предлагала здравицы в честь Исмаила и Аскера — ей хотелось забыться, почувствовать себя веселой и беззаботной, а может, даже счастливой. Она схватила гармонику и, наигрывая, принялась отплясывать с Аскером, да так увлеклась, что не заметила, как Исмаил и Надюша ушли в другую комнату. Увидев же, что осталась наедине с Аскером, нахмурилась. Медленно сдвинула мехи гармоники, отчего та, словно обижаясь или возмущаясь, зашипела, осторожно поставила ее на тумбочку. Села на кровать, уперлась локтями в колени, зажала лицо в ладонях и задумалась — на душе стало тошно, горько, тоскливо. Аскер присел рядом. Постель под ним

вдавилась, и Нурхан качнуло к нему. Он приобнял ее за плечи, но Нурхан, отшатнувшись, оттолкнула его руку.

— Ну ты, свинарь, не лапай, — процедила сквозь зубы.

Аскер натянуто засмеялся, огладил усы и, засопев, обхватил Нурхан. Она с силой отшвырнула его, и мужик, чтобы не свалиться на пол, вынужден был вскочить.

— Привык иметь дело со свиньями и сам свиньей стал, — громко и раздельно сказала Нурхан.

Насмешливо-уверенные глаза Аскера стали колючими. Он, не раздумывая, звонко ударил ее по щеке.

— Свинья! — упрямо выкрикнула Нурхан. — Думаешь, если я выпила, то все можно?.. Свинья, — повторила уверенно. Опрокинулась на спину, сминная разбросанные по постели цветы. Закрыла глаза. — Я, может, лучше всех вас, лучше... — Она тихо застонала, пробормотала еще что-то и затихла, лишь изредка всхлипывая.

Аскер, пощипывая ус, прошелся по комнате, выпил, не присаживаясь и не отрывая глаз от Нурхан. В соседней комнате послышались шепот, сдавленный смех. Аскер тихо выругался, решительно направился к кровати. Забросил на постель ноги Нурхан, прислушался, всматриваясь в ее лицо. Оно было спокойно, только на секунду слегка сморщилось — словно судорога пробежала по нему. Аскер быстро и деловито раздел женщину донага, подошел к выключателю и через плечо глянул на Нурхан. Черные блестящие волосы ее растеклись по белому покрывалу; смуглое тело, казалось, слабо светилось. Нурхан лежала на цветах так тихо, что даже дыхания не было слышно. Аскер выключил свет..

— Давайте выпьем за наших молодоженов! — встав, предложил Исмаил и поднял стакан. — За Мурада и Юлдуз! Чтобы жизнь у них была слаще меда, чтобы до конца дней своих любили они друг друга. За любовь! — Он многозначительно посмотрел на Надюшу и, нагнувшись, чокнулся с Нурхан.

Аскер, поднявшись со своего места тамады, подошел к ним, пока произносился этот пылкий тост. Слегка склонившись, он, будто невзначай, протянул руку между Исмаилом и Нурхан — точно оградил ее ладонью — и быстро шепнул:

— Водкой не увлекайтесь. Лучше выпьем одни, после свадьбы. — Выпрямился, хлопнул приятеля по спине. — Ты это брось — за разведенками ухаживать, — громко потребовал с шутливым осуждением. — Смотри, все жене расскажу!

Исмаил поперхнулся водкой, закашлялся. Надюша весело, заливчато рассмеялась. Аскер улыбнулся, хотел погладить Нурхан по плечу, но она вывернулась из-под ладони, ожгла тамаду взглядом. Аскер

хмыкнул, осклабился, скрывая растерянность, и отошел. Нурхан чуть отпила и сморщилась.

— Закусывай, закусывай. — Исмаил суетливо подал ей большой кусок вареного мяса.

— Подай отпек¹. — Нурхан отвела его руку. И замерла. — Отпек, — повторила четко и склонила голову, словно прислушиваясь к этому слову. — От-пек.

Исмаил, недоуменно глянув на нее, пододвинул хлеб. Но Нурхан не заметила этого. Расширившимися глазами она пристально смотрела прямо перед собой. Медленно подняла руку, прижала ладонь ко лбу — кружилась голова, звенело в ушах, перед глазами плавали разноцветные круги.

Нурхан уже с утра плохо себя чувствовала — всю ночь преследовали ее какие-то видения, которые измучали, потому что нельзя было понять: сон это или явь?.. Из темноты выступали странные тени, напоминающие фигуры людей, они приближались, обступали со всех сторон, тихо и неразборчиво переговаривались, медленно протягивали к Нурхан вздрагивающие от нетерпения руки. Ей не было страшно, она знала, что руки эти не причинят боли, а лишь прикоснутся, чтобы убедиться, здесь ли она, но Нурхан не хотела этого, сжималась в комок, просила, сначала мысленно, а потом и вслух, чтобы не трогали ее, чтобы оставили в покое, но тени надвигались, и Нурхан, чувствуя, что сердце готово разорваться от невыносимой тоски, плакала. Но когда, заставив особенно громко, замечала, что меняющие очертания, похожие на людей сгустки мрака слегка отдалялись, и отирала от слез щеки, то обнаруживала, что и щеки, и глаза — сухие. Тогда она была уверена, что не спит, так как узнавала в сумраке свою комнату, но, внимательно взглядевшись в нее, убеждалась, что призраки не исчезли, а лишь затаились в углах и через некоторое время, решив, видно, что она успокоилась, начинали снова шевелиться, придвигаться, тянуть к ней руки. Один раз Нурхан показалось, будто на нее пристально смотрит бабушка — она привиделась после смерти впервые, — но лица Нурхан не разглядела, только угадала в темноте знакомый, чуть сутуловатый силуэт. В какой-то момент Нурхан показалось, что она узнала и Кемата — любимый тоже тянулся к ней, шептал что-то ласково и непонятно; тени поплыли быстрее и вскоре замелькали совсем уж стремительно, как кони в бешеной скачке во время свадьбы с Кематом, только были они не белые, а воронье. И откуда-то издали послышалась музыка джиннов — «сандрак тартув» звучал обрывочно, то нарастая, то теряясь; мелодия билась, металась, пытаясь вырваться из тесной, без окон, каморки, в которую превратилась комната. Нурхан с облегчени-

ем вздохнула — догадалась, что засыпает. И уже понимая, что все происходит во сне, она встала, прошла мимо онемевших, замерших с протянутыми руками призраков. Густая тьма окружила ее — Нурхан знала, что солнце погасло и по всей земле разлилась мгла, но знала и то, что впереди ожидает какая-то радость, хотя и не представляла, как будет выглядеть ожидаемое. Она легко бежала в почти осязаемом мраке, и в ней росло ликование — вот, вот, сейчас! Сплошная темень впереди стала бледнеть, отступать; вдали показался небольшой дом с плоской крышей, он надвигался и надвигался, от него исходило неяркое, легкое сияние, отогнавшее ночь. На душе у Нурхан стало легко, празднично. Она в плавном беге, напоминающем полет, приблизилась к двери, распахнула ее и чуть не засмеялась от восторга: догадалась, поняла сердцем, что очутилась в доме своего детства, хотя совсем не помнила его. Серый земляной пол, низкий круглый столик-сыпыра посередине, железная кровать близ окна, печь с казанами и кастрюлями, по стенам развешаны сито, тулук из козлиной шкуры, чесалка шерсти, деревянный половник — всё было родным, узнаваемым, несмотря на то, что до этого Нурхан совсем не представляла, как выглядит эта комната, эта мебель, эта утварь. Она почувствовала, что очень хочет есть, но и это чувство было каким-то светлым, бестревожным — так бывало только в детстве, когда, набегавшись на улице, она врывается в дом, твердо зная, что всегда найдет кусок хлеба и чашку молока. Нурхан уверенно направилась к печи, и тут же раздался звонкий веселый голос.

— Отпек и юурт² под полотенцем на сыпыре.

Пораженная Нурхан оглянулась и обомлела — как же сразу не заметила такое?! Рядом с ней стояла богато украшенная резьбой и сложными узорами колыбель с полумесяцем в изголовье. Нурхан изумленно вскрикнула, склонилась над колыбелью, увидела завернутого в ослепительно белые пеленки младенца с ясным лобиком, смеющимся и, казалось, излучающими свет голубыми глазами.

— Отпек и юурт под полотенцем на сыпыре, — четко повторил ребенок и улыбнулся.

— От-пек? — отозвалась, как эхо, Нурхан, радуясь, что впервые за ночь понимает сказанное.

— Да, — подтвердило дитя.

— Да? — Нурхан обрадовалась еще больше от того, что и ее понимают.

— Ешь, — ласково попросил младенец.

— Ешь, — откликнулась она, с усилием произнося это слово, точно оно было незнакомо ей.

Но про голод Нурхан уже забыла. Она восторженно повторяла за ребенком: «Небо... земля... вода...

¹ Отпек — хлеб.

² Юурт — кислое молоко.

жизнь...» Эти простые и привычные слова казались ей звучными, необыкновенными, прекрасными, словно только сейчас Нурхан впервые услышала их, только сейчас узнала их смысл, только сейчас начала учить родной язык... Сон был странный, трогательный, загадочный, потому и запомнился во всех деталях, со всеми подробностями. Все увиденное, пережитое было настолько ярким и реальным, что, когда Нурхан проснулась, ей почудилось, будто это она, безмятежная и счастливая, лежала в колыбели, лежит и сейчас, а все вокруг, и в настоящем и в будущем, виделось безоблачным, лучезарным, ясным. Улыбаясь, она негромко повторяла услышанное во сне: «Небо, земля, вода, жизнь, бабушка, Кемат...»

— Что это еще за бабушка Кемат? — нетрезво расхохотался Исмаил. — Ведь Кемат — мужское имя. Забыла? Может, ты и мое имя или имя тамады забыла?

Нурхан вздрогнула, увидела рядом блестящее лицо, пьяненькие, возбужденные глаза соседа по столу и нахмурилась.

— Принеси гармошку, — потребовала властно. — Петь буду!

— Петь?! О, это дело. Очень хорошо! — Исмаил оживился, откинулся сыто к спинке стула, взметнул руки. — Тамада, слышь! Нурхан петь хочет.

Но его не слушали. Оживленный говор, дружеские споры, вспыхивающие то тут, то там, звяканье посуды, смех не приутихли. Только Аскер, украдкой посматривавший на Нурхан, расслышал Исмаила, поднялся торопливо с места.

— Ямагат! — зычно выкрикнул он. — Наша уважаемая гармонистка хочет спеть в честь дорогих нам молодоженов. Выпьем за их здоровье, а потом послушаем нашу родную, ногайскую нашу песню! — Поднял стакан, сделал им легкое движение в сторону Нурхан, потом повернулся к молодоженам, слегка склонил голову, как бы приветствуя их.

Мурат и Юлдуз, которые неподвижно сидели во главе стола и за весь вечер не притронулись к яствам, расставленным перед ними, даже к затейливо украшенному кремом огромному свадебному торту, опустили застенчиво глаза.

Гости восторженно загалдели, выпили за здоровье молодых и, склонившись над тарелками, зачистили вилками.

Надюша уже принесла гармонику. Торжественно, на вытянутых руках подала ее подруге. Гневно поглядывая на жующих, уселась на свое место, поерзала, устраиваясь поудобней, положила локти на стол, запыталась — приготовилась слушать.

— Тише, товарищи, тише! — потребовал Аскер.

У Нурхан все покачивалось, плыло перед глазами, вспыхивали иногда разноцветные точки, среди

которых смутными пятнами маячили лица. Она не стала ждать, когда стихнет гомон, сделала, склонив голову, проигрыш, высвобождая первый, робкий еще, ручеек стонущей, наполненной горечью мелодии. Застолье не откликнулось на жалобу гармоники — лишь некоторые гости, вытирая губы, повернулись с удивлением, услышав игру, большинство же продолжало что-то выяснять с соседями. «Эх, люди, — отрешенно, почти без обиды подумала Нурхан. — Ни веселиться, ни грустить не умеете». Музыка окрепла. Нурхан, улучив момент, когда мелодия почти задохнулась от обиды, вплела в нее свой сильный, чуть осевший от волнения голос:

Бий Темир¹, эй, слышишь, бий Темир!
Право дал тебе Аллах землей владеть,
Право дал Аллах мне песни петь.
У меня ты песню отобрал,
У народа песню отобрал,
Чуть хребет у песни не сломал.
О-рай-да, рай-да, рай-да, рай-да.

И хозяйева, и гости удивленно переглянулись: никто из них никогда не слышал ни этого напева, ни этих странных слов.

— Что-то не очень похоже на поздравление жениха с невестой, — хмыкнули одни.

— Что это еще за Темир? Почему столько обиды на него? — недоумевали другие.

Не знали они, что эта пришедшая из глубины веков песня сочинена великим поэтом Средневековья Шал-Кийизом, сыном Нишего; ничего не знали и о Темире, жестоком правителе пятнадцатого столетия, мечом и огнем насаждавшем любовь к власти. Не знала этого и Нурхан. Не задумываясь над смыслом и даже не совсем понимая его, а лишь чувствуя боль и скорбь, переполнявшие песню, жаловалась гармонистка людям:

Я теперь как белый лебедь без воды,
Словно лань без леса, — вот что сделал ты!
Хочешь, чтоб кобуз мой онемел?
Чтоб он больше никогда не пел?
Но давно известно: не живет
Тот народ, который не поет.
О-рай-да, рай-да, рай-да, рай-да,

Она глядела на растерянные лица, а видела бабушку, от которой и услышала впервые эту песню, услышала в тот день, когда, словно выплывая из розового тумана, медленно и несмело возвращалась к жизни после свадьбы с Кематом.

¹ Бий Темир — правитель Темир, глава Ногайского государства в XV в.